

Симбирская чувашская школа.

(По поводу сорокалѣтія ея существованія).

Рече Исусъ: Оставьте дѣтей приходи́ти ко Мнѣ и не браните имъ, та́къхъ бо есть Царствіе Божіе... И объе́мъ ихъ, возложъ руцѣ на нихъ, благословляше ихъ“ (Мр X, 14—16).

Всякій, кому приходилось работать въ начальной школѣ, знаетъ, какимъ восторгомъ сопровождается у дѣтей каждый новый шагъ впередъ, съ какимъ удовольствіемъ встрѣчаютъ они всякое новое сообщеніе въ области знанія. Узнаетъ ребенокъ что наша рѣчь представляетъ собой не сплошное нѣчто и хаотическое, что она —наоборотъ— дѣлится на опредѣленныя, строго разбѣренныя части, что она можетъ служить матеріаломъ, надъ которымъ мы можемъ оперировать по своему желанію, и лицо ребенка свѣтится восторженной улыбкой: онъ узнаетъ о *членораздѣльности* рѣчи, о томъ, чѣмъ человекъ возвышается надъ животнымъ. Получаетъ школьникъ свѣдѣнія о водѣ, о воздухѣ, о свѣтѣ, о землѣ, о животномъ, о томъ, что было раньше, что будетъ потомъ, что окружаетъ его теперь, и радости школьника нѣтъ границъ: какъ все это просто, какъ интересно и умно! Для ребенка открывается—далѣе—доступъ къ священной книгѣ—евангелію, онъ получаетъ возможность сознательно относиться къ тому, что совершается въ храмѣ за богослуженіемъ, гдѣ самъ можетъ принимать участіе въ богослуженіи, и для ребенка —новый поводъ восхищаться. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что при нормальной постановкѣ дѣла въ начальной школѣ, ребенокъ учится не изъ какихъ-либо корыстныхъ или меркантильных соображеній: до этого онъ еще бываетъ не въ состояніи «возвыситься». Въ начальной школѣ ребенокъ чаще всего учится именно ради самого ученья, ради того, что это ученье ему открываетъ. И если, независимо отъ всякихъ меркантильных соображеній, ребенокъ переживаетъ въ школѣ хотя бы мгновенія глубочайшаго восторга,—это убѣдительнѣйшее доказательство того, насколько нужно ребенку знаніе, нужно безотнositельно къ практическимъ цѣлямъ, нужно просто для того, чтобы сознaвать и чувствовать себя человекомъ, чтобы имѣть возможность сознательно, почеловѣчески относиться къ окружающему и знать, что есть истина, что ложь, что добро и что зло. Но всякій дѣятель на нивѣ начального образованія знаетъ,

что насколько дѣло просвѣщенія нужно, настолько же оно и трудно. Дѣло начальнаго обученія—дѣло увертливое, надоѣдливое и кропотливое. Здѣсь требуется неослабѣвающее вниманіе, здѣсь нужно постоянное напряженіе вниманія и непремѣнная уравновѣшенность характера.

Дѣло начальнаго просвѣщенія дѣло *нужное*; дѣло начальнаго просвѣщенія дѣло *трудное*. Вотъ съ какими двумя формулами приходится встрѣчаться всякому дѣятелю на нивѣ начальнаго обученія. Но далеко не всякій дѣятель обращаетъ одинаковое вниманіе на обѣ эти формулы. Многіе забываютъ, что дѣло просвѣщенія насущно-необходимо, и помнятъ только то, что оно трудно. А потому то¹⁾ дѣло просвѣщенія нашего народа и идетъ такимъ медленнымъ темпомъ. Странно сказать, что у насъ въ Россіи, въ одной изъ могущественнѣйшихъ странъ Европы, на 1000 человѣкъ населенія приходится только 300 челов. грамотныхъ. Еще болѣе странно сказать, что у насъ въ странѣ, искони считающейся наиболѣе религіозной и усвоившей себѣ наименованіе «святой», существуютъ миллионы людей, совершенно темныхъ не только въ обще-культурномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ религіозномъ. Въ странѣ, въ которой съ древнихъ поръ царитъ убѣжденіе, что она призвана быть свѣтомъ міру и откровеніемъ для народовъ, въ этой странѣ, въ самомъ центрѣ ея, есть еще люди, не знающіе христіанства и служащіе „на высотахъ“, поклоняющіеся священнымъ деревьямъ и кладезямъ. Такими, напр., до самаго послѣдняго времени были наши приволжскіе чуваша, предоставленные въ дѣлѣ духовнаго развитія самимъ себѣ, въ общемъ же теченіи русской жизни почти совершенно забытые, если угодно, брошенные на произволь судьбы. И кто знаетъ, что представляли бы изъ себя чуваша и въ настоящее время, если бы сорокъ лѣтъ тому назадъ недюжинной энергіей и отзывчивымъ сердцемъ одного человѣка, сказавшаго, что хотя дѣло обученія и трудно, но оно необходимо, что его неумолимо требуетъ сама душа человѣческая, и что—потому—всѣ трудности на пути къ осуществленію этого дѣла должны быть сломлены, устранены,—если бы мощной волей этого человѣка не было пробито окно изъ темнаго чувашскаго царства въ міръ современной культуры и высшаго религіознаго знанія.

I.

40 лѣтъ тому назадъ въ Симбирскѣ возникла школа для начальнаго обученія крестьянскихъ дѣтей. Такія школы въ на-

¹⁾ О другихъ причинахъ указываемаго явленія мы здѣсь не говоримъ.

шемъ краѣ появились еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но долгое время онѣ не могли опредѣлить ни духа и потребностей чувашскаго племени, ни тѣхъ методовъ, которыхъ нужно было держаться въ отношеніи къ чувашамъ. Дѣло обученія въ школахъ велось на русскомъ языкѣ, грамота давалась чувашамъ въ высшей степени трудно, они всячески старались избѣжать школы, уклонялись отъ того, чтобы отдавать въ нее своихъ дѣтей, на учителей смотрѣли какъ на своихъ заклятыхъ враговъ, такъ что въ русскомъ обществѣ очень скоро создалось убѣжденіе, что чувашаи народъ необычайно тупой и совершенно неподдающийся культурѣ. Симбирская же чувашская школа при самомъ своемъ возникновеніи поставила цѣлью вести дѣло преподаванія на новыхъ, болѣе цѣлесообразныхъ началахъ.

Основателемъ Симбирской школы былъ крестьянинъ изъ чувашь деревни Кошки-Новотимбаевой (Жуковскаго прихода), Буинскаго уѣзда, нынѣ инспекторъ (директоръ) школы, дѣйств. ст. сов. Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ. Въ пору образованія школы Ив. Як. былъ еще ученикомъ VI класса Симбирской классической гимназіи. Прежде чѣмъ выбиться изъ темной крестьянской семьи, гдѣ вѣровали не то по-язычески, не то по-магометански, и говорили смѣшаннымъ чувашско-татарскимъ языкомъ, Ив. Як. прошелъ длинный путь всякаго рода лишеній и испытаній. Между прочимъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ проходилъ должность удѣльнаго мѣрщика. Всей душой скорбя о бѣдственномъ положеніи родного народа, особенно же о томъ, что чувашаи—язычники и полуязычники—начинаютъ отъ грубаго фетишизма склоняться въ сторону ислама, пропаганда котораго велась на родственномъ чувашскому татарскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по собственному опыту зная, какъ трудно его соплеменникамъ пробиться къ Божьему свѣту, Ив. Як., еще далеко не достигнувъ цѣли собственнаго образованія, поспѣшилъ на помощь своимъ сородичамъ. 28 го октября 1868-го года онъ выписалъ изъ родной деревни троихъ мальчиковъ, помѣстивъ ихъ въ своей собственной гимназической квартиркѣ, содержалъ ихъ на тѣ ничтожные гроши, которые зарабатывалъ уроками, и самъ же, при помощи покойныхъ теперь товарищей Панаева и Соколова, сталъ съ ними заниматься. Мальчики оказались прилежными и способными и вскорѣ получили возможность поступить въ уѣздное училище.

Прошло два года. Въ 1870 г. Ив. Як. окончилъ гимназію,

и ему нужно было поступать въ Казанскій университетъ. Разставаясь со своей школой, Ив. Як. 25-го августа 1870 г. писалъ тогдашнему директору гимназіи и училищъ Симбирской губерніи И. В. Вишневному: «...Родясь въ средѣ чувашъ, этихъ мирныхъ и добрыхъ людей, и рано испытавши ихъ горькую участь, я не могъ оставаться хладнокровнымъ къ ихъ судьбѣ и къ ихъ будущности... Богу угодно было съ раннихъ лѣтъ направить меня по болѣе правильному пути, чѣмъ моихъ собратій, и настоящее безотрадное ихъ положеніе рано заставило меня задуматься надъ положеніемъ моихъ сородичей. Сельская школа научила и воспитала меня въ христіанской религіи, а послѣдующія обстоятельства сдѣлали меня русскимъ, и я горжусь этимъ именемъ, нисколько не гнушаясь, однако, именемъ чувашенина и не забывая своего происхожденія. Будучи христіаниномъ, любя Россію и вѣруя въ ея великую будущность, я отъ души желалъ бы, чтобы чуваша были просвѣщены свѣтомъ евангелія и слились въ одно цѣлое съ великимъ русскимъ народомъ. То и другое, какъ важное и необходимое для блага и счастья чувашъ, составляетъ предметъ моихъ сердечныхъ мечтаній и желаній. Три года назадъ сложилось у меня убѣжденіе, что просвѣщеніе и обученіе чувашъ можетъ итти успѣшно не иначе, какъ посредствомъ школъ и людей, вышедшихъ изъ среды самихъ же чувашъ. Поэтому я составилъ планъ набрать чувашскихъ мальчиковъ въ г. Симбирскѣ, воспитывать ихъ въ христіанской религіи и дать имъ по возможности порядочное образованіе, чтобы они впослѣдствіи могли быть учителями въ сельскихъ школахъ, однимъ словомъ — дѣятелями полезными для распространенія христіанства и обрусѣнія сородичей. Спустя годъ послѣ того, я горячо принялся за исполненіе этого плана. Преодолевая различнаго рода препятствія, я, благодаря Бога, успѣлъ достигнуть кое-какихъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время находится у меня 4 ученика. . . Но я долженъ оставить г. Симбирскъ и ѣхать въ Казанскій университетъ для собственнаго образованія. Такимъ образомъ, я принужденъ покинуть мальчиковъ, не обезпечивъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи. До сихъ поръ всѣхъ ихъ я содержалъ на свои скудныя средства. . . Между тѣмъ при обезпеченіи образованія этихъ мальчиковъ могло бы итти и далѣе успѣшно. . . Потративъ много трудовъ и средствъ, мнѣ жалко бросить на произволь судьбы этихъ мальчиковъ, которые выказали рѣдкое прилежаніе

къ ученію и природныя способности. Я прошу ваше превосходительство, во имя святаго дѣла распространенія христіанства и обрусѣнія чувашъ, принять близкое участіе въ этотъ важный моментъ, представить объ этомъ дѣлѣ Буинскому земству и обратиться къ частной благотворительности добрыхъ просвѣщенныхъ людей. Я надѣюсь на содѣйствіе вашего превосходительства и на то, что мое обращеніе не останется гласомъ вопіющаго въ пустынь».

Дѣйствительно, просьба Ив. Як. была уважена, и въ пользу его учениковъ директоромъ гимназіи и училищъ Симбирской губерніи было исходатайствовано у Буинскаго земства необходимое пособіе.

Обучаясь въ Казанскомъ университетѣ, Ив. Яков. не прерывалъ сношеній со школой, поддерживая ее то указаніями и совѣтами, то матеріальной помощью. Въ университетѣ же Ив. Як. встрѣтился съ Никол. Иван. Ильминскимъ, который въ своихъ бесѣдахъ съ молодымъ студентомъ, всегда одушевленныхъ, всегда увлекательныхъ, затягивавшихся до глубокой полночи, а иногда продолжавшихся и цѣлыми ночами, познакомилъ его съ созданной имъ системой просвѣщенія восточныхъ инородцевъ, сущность которой, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему: Дѣло христіанизации и обрусѣнія инородцевъ нужно вести при помощи ихъ же языка, на который должны быть переведены богослуженныя книги, на которомъ должно отправляться богослуженіе и вестись обученіе въ начальныхъ школахъ.

За время обученія Ив. Як. въ университетѣ школа его продолжала расти и крѣпнуть и, когда въ 1876 г. онъ возвратился изъ университета въ качествѣ окружнаго инспектора чувашскихъ школъ, распоряженіемъ попечителя Казанскаго округа школа его изъ вѣдомства Симбирской дирекціи была передана ему, какъ непосредственному начальнику. Изъ частнаго учрежденія она скоро обратилась въ государственное, и въ 1877 году получила наименованіе *центральной* чувашской школой.

Въ основу жизни и дѣятельности Симбирской чувашской центральной школы были положены тѣ самыя идеи, на которыхъ постройка система Н. И. Ильминскаго. Это—во первыхъ—идея просвѣщенія инородцевъ свѣтомъ евангелія. Подъ вліяніемъ чисто историческихъ условій во второй половинѣ прошлаго столѣтія чуваша замѣтно стали склоняться отъ языческаго фетишизма въ сторону монотеизма. Ближе и понятнѣе для нихъ

былъ монотеизмъ магометанскій, который уже и началъ было успѣшно проникать въ чувашскую среду. Но совѣсть учредителя школы категорически безповоротно рѣшила, что если языческой фетишизмъ долженъ умереть, то на мѣсто его должно стать не магометанство, а высшая форма религіознаго сознанія, т. е. христіанство. Должно замѣтить что приволжскіе чуваша были крещены уже около двухсотъ лѣтъ назадъ. Но до послѣдняго времени христіанство совершенно не прививалось къ нимъ. Принявъ крещеніе, чуваша оставались язычниками и не только по существу дѣла, но и по внѣшней сторонѣ: они не усваивали даже христіанской обрядности. Это — несомнѣнно — въ огромной мѣрѣ должно объясняться тѣмъ, что крещенымъ чувашамъ не было дано ни знанія новой религіи, ни понятной проповѣди, ни богослуженія на родномъ языкѣ, ничего, что привлекало бы вниманіе чувашъ къ христіанской вѣрѣ и къ христіанскому обряду. Внѣдрить христіанство въ самое сознаніе чувашъ и было первой задачей Симбирской чувашской школы. — Другой идеей школы была идея національнаго сліянія инородцевъ съ русскимъ народомъ. По мысли учредителя школы, «никакой самостоятельной политической роли нашимъ восточнымъ инородцамъ играть не суждено, никакого самобытнаго и національнаго развитія имъ искать не слѣдуетъ, и не надо толкать ихъ въ этомъ направленіи. Ни историческія, ни культурныя, ни географическія условія не даютъ имъ никакихъ поводовъ мечтать о подобной самобытности. Вступать на этотъ путь, фантазировать на тему объ автономіи для чувашъ, черемисъ, вотяковъ и т. дал., развивая національный задоръ, значило бы понапрасну тратить силы и вниманіе на химеры и играть судьбою инородцевъ». — Однако, работая надъ дѣломъ христіанизации и обрусѣнія чувашъ, нельзя забывать, что все же они составляютъ особое племя и потому могутъ и должны сохранять свою индивидуальность, свою племенную фізіономію. Душой всякаго племени и всякаго народа является языкъ его. Нѣтъ языка безъ народа, но нѣтъ и народа безъ языка, а потому дѣло христіанизации и обрусѣнія чувашъ должно вестись на ихъ родномъ языкѣ. При помощи родного языка чувашъ можно развить, можно ихъ перевоспитать, можно пересоздать ихъ старыя понятія и сдѣлать къ нимъ новыя прививки. Вырвать же у чувашъ ихъ родной языкъ — это значитъ насильственно умертвить цѣлое племя и искалѣчить его духовный обликъ. Родной языкъ въ начальномъ обуче-

ни чувашъ и за богослуженіемъ въ чувашскихъ приходяхъ — вотъ та третья идея, которая опредѣляла развитие Симбирской школы.

По своей учебной программѣ Симб. чув. школа уже съ 1875 года принимаетъ характеръ учительской семинаріи, кромѣ подготовки учителей для чувашскихъ школъ преслѣдующей, впрочемъ, и специальную задачу—подготовлять священниковъ для чувашскихъ приходоѡ. Главное вниманіе въ школѣ обращалось и обращается на русскій языкъ, на образованіе и развитіе въ ученикахъ навыка свободно и правильно говорить и писать по-русски. Благодаря солидной постановкѣ въ школѣ русскаго языка, какъ учебнаго предмета, ученики къ концу школьнаго (шестигодичнаго курса) въ достаточной степени осваиваются съ русскимъ языкомъ и начинаютъ смотрѣть на него, какъ на свой родной. Все дѣло обученія въ чувашской школѣ ведется на русскомъ же языкѣ. Чувашскій языкъ остается только для начальныхъ школъ и для практическихъ занятій въ образцовыхъ при школѣ училищахъ. Наряду съ русскимъ языкомъ серьезное вниманіе въ школѣ обращается на постановку логики и педагогики. Въ особо широкихъ размѣрахъ преподается пѣніе и музыка, къ которымъ чуваша чувствуютъ особую склонность и обнаруживаютъ большія способности. Особенно развита въ школѣ скрипичная игра. Далѣе, въ программу школы входятъ исторія, математика, физика, химія, ботаника и зоологія. Мы не говоримъ о Законѣ Божіемъ, который занимаетъ въ школѣ особо почетное положеніе. Кромѣ того ученики подъ руководствомъ мастера-спеціалиста обучаются токарно-столярному ремеслу, для чего при школѣ имѣется богато и разнообразно оборудованная мастерская. Въ разное время ученики школы обучались и другимъ ремесламъ, напр., кузнечно-слесарному, переплетному и др., и только скудость школьныхъ средствъ препятствовала дальнѣйшему развитію этого дѣла. Теоретически, а также и практически проходитъ въ школѣ сельское хозяйство. Въ 1894 г. школѣ Симбирскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ была предоставлена во временное пользованіе (на 12 лѣтъ) ферма, на которой ученики въ лѣтнее время производили всякаго рода практическія работы по сельскому хозяйству. Въ настоящее время для такихъ работъ школа арендуетъ у удѣльнаго вѣдомства около 200 десятинъ земли, которую предполагается приобрѣсти въ собственность школы.

Съ 1878 г. къ мужской чувашской школѣ присоединяется женское училище для образованія чувашскихъ дѣвушекъ и для подготовки ихъ къ преподаванію въ начальныхъ женскихъ чувашскихъ школахъ.

Со стороны внутренняго строя Симбирская школа представляетъ много своеобразнаго и поучительнаго. Основываясь на томъ, что спеціальной задачей школы служить подготовка учителей и священниковъ въ чувашскія деревни, учредитель школы, какъ сказано, ни на минуту не упускалъ изъ виду, что все во внутренней жизни школы должно быть приспособлено именно къ этой цѣли и ничто не должно ей противорѣчить. Готовясь къ скромному служенію въ убогой деревенской обстановкѣ, въ условіяхъ патриархальнаго народнаго быта, ученики школы, по мысли ея учредителя, должны воспитывать себя именно въ простотѣ и скромности и ни въ чемъ не позволять себѣ отступленій отъ бытовыхъ традицій роднаго народа. Учредитель школы заботился о томъ, чтобы съ внѣшней стороны все въ его школѣ было удобно, здорово, сытно, тепло и сухо, но ничуть не роскошно, ничуть не комфортабельно. Ученики въ школѣ не пили чаю и по утрамъ получали только горячей завтракъ, а по вечерамъ то же, что и на обѣдѣ. Бѣлый хлѣбъ разсматривался, какъ излишнее и не подходящее къ школьному обиходу лакомство. Койки въ школѣ появились только въ недавнее сравнительно время; раньше же ученики спали или на нарахъ, или даже на полу на войлочныхъ подстилкахъ. Платемъ для учениковъ и ученицъ служили и служатъ тѣ же поддевки, кафтаны, полушубки, простые сапоги, валенки и лапти, что и въ деревнѣ. Обращается вниманіе лишь на чистоту и опрятность костюма. Жизнь близкая къ природѣ и крестьянскимъ традиціямъ благопріятно отзывалась и отзывается на физическомъ состояніи учащихся. Заболѣваемость и смертность среди нихъ всегда были незначительны, несмотря на невыгодное въ гигиеническомъ отношеніи мѣстонахожденіе школы въ сырой низинѣ на берегу р. Свяги. И по ограниченности школьныхъ средствъ, не позволявшихъ тратиться на наемъ лишней прислуги, и по глубокому убѣжденію учредителя школы въ полезности и необходимости труда, почти всѣ работы въ школѣ по уборкѣ классовъ, столовой и другихъ комнатъ, по отопленію и освѣщенію ихъ, по уходу за садомъ (и опородомъ), по изготовленію и починкѣ партъ, классныхъ досокъ, шкафовъ и пр.,

все это выпоянялось и отчасти выполняется самими учениками. Особенно симпатичной чертой во внутреннем школьном быту является доступность школы для приѣзжающихъ въ нее родителей и родственниковъ учениковъ. Приѣзжаетъ въ Симбирскъ крестьянинъ по какому-нибудь дѣлу судебному, торговому или же просто на базаръ, и вмѣсто того, чтобы остановиться на постояломъ дворѣ, ѣдетъ прямо въ чувашскую школу, останавливается со своими розвальнями или санями на большомъ школьномъ дворѣ, иногда и ночуетъ въ школѣ же гдѣ-нибудь въ свободномъ углу, въ корридорѣ, въ прихожей, на сѣновалѣ и т. дал. Если у приѣзжаго крестьянина учится въ школѣ сынъ или дочь, то онъ всегда во внѣучебное время можетъ пройти въ классъ, въ столовую и непосредственно видѣть, какъ живутъ и учатся его дѣти. Для него всегда открытъ и кабинетъ учредителя школы, который никогда не отказываетъ своимъ сородичамъ ни въ совѣтѣ, ни въ указаніи, ни въ матеріальной помощи. Близость школы къ чувашскому населенію создала то граничащее съ благоговѣніемъ уваженіе къ ней, которое является залогомъ дальнѣйшаго процвѣтанія школы и служитъ для нея твердой нравственной поддержкой. Если въ началѣ дѣятельности школы самому учредителю ея приходилось разъѣзжать по чувашскимъ деревнямъ и всячески убѣждать чувашъ отдавать въ школу дѣтей, то теперь цѣлымъ сотнямъ чувашскихъ дѣтей приходится отказывать въ приѣмѣ въ школу по недостатку мѣстъ. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ общее число учащихся превышало 100 чел., а къ 1900 г. это число возрасло до 300 чел. Учиться въ Симбирской школѣ изъявляли и изъявляютъ желаніе не только чуваша, но и русскіе, и магометане, и мордва. Въ послѣдній годъ, на 40—50 вакансій, желающихъ поступить въ школу было до 200 человекъ. Въ высшей степени характернымъ во внутренней жизни школы является и то, что въ ней до послѣдняго времени не было ни отмиѣтокъ за отвѣты учениковъ въ году, ни балловъ по поведенію, не было ни кондуитныхъ журналовъ, ни карцеровъ, ни «безобѣдовъ», ничего изъ тѣхъ дисциплинарныхъ взысканій, чему въ другихъ школахъ придается иногда значеніе чуть ли не панацеи отъ всѣхъ золъ. Дисциплина въ школѣ основывалась и основывается не на внѣшнихъ правилахъ и предписаніяхъ (таковыхъ въ школѣ почти не существуетъ), а поддерживается самымъ духомъ заведенія и тѣмъ серьезнымъ, искреннимъ отношеніемъ къ задачамъ шко-

лы, какое учаііе и словомъ и дѣломъ воспитываютъ въ своихъ питомцахъ. Кстати замѣтимъ, что воспитателями въ школѣ состоятъ всѣ ея преподаватели, поочередно отправляющіе въ школѣ дневныя и ночныя дежурства. Воспитатели почти совершенно не отлучаются отъ учениковъ; они руководятъ ихъ домашними работами, устраиваютъ съ ними различныя бесѣды и проч. Нѣсколько разъ въ теченіе учебнаго года устраиваются въ школѣ литературные вечера, на святки дѣлается елка и т. под. Несмотря на ограниченность средствъ школы и особенно средствъ самихъ учениковъ, школой иногда организуются большія образовательныя экскурсіи воспитанниковъ. Насколько здоровымъ, вообще нормальнымъ оказывается установившійся въ школѣ внутренній строй, можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что за 40 лѣтъ ея существованія въ ней не было со стороны учениковъ никакихъ грубыхъ нарушеній порядка, и даже бурные революціонные годы не внесли въ школьную жизнь сколько нибудь рѣзкой дезорганизаци.

Въ матеріальномъ отношеніи школа всегда находилась въ стѣсненномъ положеніи. Какъ мы уже упоминали, въ первое время своего существованія она поддерживалась средствами своего учредителя. Въ 1870 г. Буинское земство назначило ей пособіе въ видѣ стипендій нѣкоторымъ ученикамъ Буинскаго уѣзда. Съ 1871 г. на помощь школѣ пришло Министерство Народнаго Просвѣщенія: оно назначило ей пособіе въ размѣрѣ 340 руб., которое, ежегодно увеличиваясь, къ 1875 г. достигаетъ 1810 р. Въ 1876 г. Министерство отпустило школѣ единовременное пособіе на покупку дома въ размѣрѣ 5400 руб. Въ 1877 г. пособіе отъ Министерства было увеличено до 3309 р. 50 к. Въ 1881 г. Министерство назначило школѣ ежегодное пособіе на содержаніе женскаго училища въ размѣрѣ 1975 руб. (До этого же времени женское училище существовало на средства учредителя школы). Въ 1885 г. на средства частныя, на пособіе отъ Министерства и отъ православнаго миссіонерскаго общества былъ устроенъ при школѣ храмъ во имя Св. Духа. Богослужебныя книги въ церковь были отпущены Св. Синодомъ бесплатно. Въ 1890 г. школа изъ центральной переименовывается въ *учительскую*, уравнивается въ правахъ съ учительскими семинаріями и на свое содержаніе получаетъ изъ государственнаго казначейства 10940 р. въ годъ. Женское же отдѣленіе при школѣ, преобразованное въ 1890 году въ особое женское училище, опять

должно было существовать на средства Ив. Як., и только съ 1892 года на содержаніе его до 3300 р. въ годъ стало отпускать православное миссіонерское общество. Въ настоящее время при чувашской учительской школѣ имѣются два (мужское и женское) приходскихъ двухклассныхъ училища по положенію 1827 года, съ ассигнованіемъ на нихъ изъ государственнаго казначейства—на мужское училище 3375 р. и на женское—3700 р. въ годъ. Эти училища служатъ для практическихъ занятій учениковъ и ученицъ школы. Кромѣ того въ настоящее время при школѣ существуютъ женскіе двухгодичные педагогическіе курсы съ ассигнованіемъ на нихъ 1000 р. въ годъ. По мѣрѣ того, какъ все больше опредѣлялся вполнѣ мирный и серьезный характеръ Симбирской чувашской школы, различныя земства Симбирской, Казанской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерній учреждали при ней свои стипендіи, общая сумма которыхъ къ 1908 г. достигла 5000 руб. Съ 1898 г. для оказанія матеріальной помощи бѣднѣйшимъ воспитанникамъ при школѣ основано Свято-Духовское братство. Но средства его до сихъ поръ очень недостаточны для той цѣли, которой оно предназначено служить. Наболѣе же школа нуждалась всегда въ помѣщеніи. Первоначально школа помѣщалась въ наемной квартирѣ. Потомъ для нея былъ купленъ одноэтажный каменный домъ на берегу рѣки Свѣяги. Между тѣмъ внутренне школа росла необычайно быстро. Число ея учениковъ значительно возростало съ каждымъ годомъ. Около перваго дома одинъ за другимъ выросли деревянные флигеля, затѣмъ появлялись каменные дома, сначала одноэтажные, потомъ двух-этажные и т. д. Попечитель школы мануфактуръ-совѣтникъ Н. Я. Шатровъ въ различное время пожертвовалъ на постройку зданій для школы свыше 20000 руб. И тѣмъ не менѣе внѣшній ростъ школы не поспѣвалъ за ея ростомъ внутреннимъ... Кромѣ Н. Я. Шатрова щедрую матеріальную помощь школѣ оказывалъ ктиторъ школьнаго храма Н. М. Энгельманъ и нѣкоторыя другія лица.

Благодаря неутомимой энергіи учредителя и главнаго руководителя школы, а также благодаря нормальной постановкѣ въ ней учебнаго и воспитательнаго дѣла, школа за сорокъ лѣтъ своего существованія достигла въ своей дѣятельности значительныхъ результатовъ. Просвѣщеніе широкой волной разлилось среди чувашскаго племени. Раньше грамотный чувашенинъ представлялъ собою въ собственномъ смыслѣ слова рѣдкость. Это было что-то

удивительное и маловѣроятное. Теперь же грамотныхъ чувашъ нужно считать десятками тысячъ. Въ наше время труднѣ встрѣтить грамотнаго черемиса, мордвина, даже татарина, чѣмъ чувашенина. Въ хорошо поставленныхъ чувашскихъ школахъ, число которыхъ доходитъ до 400, учителями и учительницами состоятъ въ настоящее время чуваша, получившіе образование по большей части въ Симбирской школѣ. Во многихъ чувашскихъ приходяхъ священствуютъ чуваша же, по выходѣ изъ школы продолжавшіе образование въ духовной семинаріи. Въ общей сложности за 40 лѣтъ существованія Симбирская школа выпустила до 1000 чувашскихъ учителей, учительницъ и священниковъ. Нѣкоторые же изъ чувашъ, по окончаніи школы, поступали то въ учительскіе институты (Оренбургскій и Казанскій), то въ духовныя семинаріи (Симбирскую, Казанскую и Уфимскую), то въ дух. академіи (преимущ. Московскую и Казанскую), то въ университеты (Казанскій и Юрьевскій). Благодаря просвѣтительной дѣятельности школы, борьба съ язычествомъ чувашъ идетъ довольно успѣшно. За послѣднее время особенно участились ходатайства чувашъ объ открытіи новыхъ приходо^{въ}, о сооруженіи новыхъ храмовъ ¹⁾ и организаціи монастырей. Ходатайствуютъ также чуваша объ открытіи новыхъ школъ и уже не начальныхъ только, а двухклассныхъ, сельскохозяйственныхъ, ремесленныхъ и т. дал. Въ силу всего этого, если 40 лѣтъ тому назадъ самое слово «чувашенинъ» заключало въ себѣ, какъ выражается учредитель школы въ своей докладной запискѣ 1870 г. на имя попечит. Казан. округа Шестакова, „нѣчто поносительное и обидное», если раньше русскому казался смѣшнымъ каждый «шагъ чувашенина», каждое его слово, каждое движеніе; то теперь между русскимъ и чувашениномъ устанавливаются вполне добрыя, мирныя отношенія, и — несомнѣнно — недалеко то время, когда окончательно сгладится грань, отдѣляющая чувашенина отъ русскаго и препятствующая ему чувствовать себя полноправнымъ русскимъ гражданиномъ. Особенно много сдѣлала Симбирская школа въ смыслѣ просвѣщенія чувашъ, переведя (чувашскій алфавитъ былъ выработанъ учредителемъ школы) и въ тысячахъ экземпляровъ распространивъ среди чувашскаго населенія книги св. писанія новаго и вет-

¹⁾ До сихъ поръ по инициативѣ учредителя школы и при его дѣятельномъ и непосредственномъ участіи построено 10 храмовъ въ различныхъ чувашск. деревняхъ и образованы самостоятельныя приходы.

хаго зав., почти всѣ книги богослужебныя, а также многія руководства по сельскому хозяйству, по медицинѣ, книги историческія, кое-что изъ классической русской беллетристики и т. д.

Вообще же заслуги Симбирской чувашской учительской школы въ дѣлѣ культурнаго развитія средняго Поволжья несомнѣнны, и, думается, русское общество не можетъ не сказать своего «спасибо» и своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ не поддерживать ее въ дальнѣйшей трудной, но многоплодной дѣятельности.

Говоря о чувашской школѣ, мы все время указывали на свѣтлыя стороны въ ея строѣ и жизни. Это—несомнѣнно—не могло ускользнуть отъ взгляда читателя. Но объясняется это не только юбилейнымъ характеромъ настоящаго очерка. Знакомясь съ исторіей и жизнью школы по специально—относящимся сюда документамъ, мы—искренно сознаемся—при нѣкоторомъ недовѣрїи къ дѣятельности школы, имѣвшемъ источникъ въ нашемъ незнанїи ея до сихъ поръ, не могли найти даже смутныхъ намековъ на какія-либо темныя стороны въ ея жизни. Конечно, мы не можемъ спорить, что такихъ сторонъ и не было (гдѣ ихъ нѣтъ!), но думаемъ, что если въ математикѣ минусъ уничтожается плюсомъ, то и въ данномъ случаѣ тѣ пробѣлы, какіе могли быть въ сорокалѣтней жизни школы, съ математической же необходимостью должны быть покрыты тѣми положительными заслугами, какими школа заявила себя въ дѣлѣ религіозно-культурнаго развитія нашего края.

Н. Колосовъ.

Симбирская чувашская школа.

II.

(Продолженіе).

Сорокалѣтіе Симбирской чувашской школы, сыгравшей огромную роль въ дѣлѣ просвѣщенія края, не могло быть не отмѣчено соответствующимъ образомъ со стороны мѣстнаго общества. Правда, самъ учредитель школы принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уклониться отъ всякаго публичнаго празднованія сорокалѣтія школы, но изъ среды мѣстнаго общества раздались голоса о полной неумѣстности въ данномъ случаѣ какой-либо скромности и даже о вредѣ ея въ смыслѣ развитія общественнаго самосознанія.

Наканунѣ сорокалѣтія школы, 27-го октября, въ школьномъ домовомъ храмѣ старѣйшимъ воспитанникомъ школы, священникомъ Казанской епархіи А. В. Рекѣвымъ, въ сослуженіи законоучителей и преподавателей школы, священн. М. Н. Лебяжьева, В. Н. Никифорова и І. Д. Доримедонтова, было совершено заупокойное богослуженіе—литургія и панихида—въ молитвенное воспоминаніе о почившихъ дѣятеляхъ инородческаго дѣла. Предъ панихидой законоучителемъ школы М. Н. Лебяжьевымъ было произнесено слово, въ которомъ онъ вскрылъ то значеніе, какое имѣло для инородцевъ—чувашъ обращеніе ихъ въ христіанство, и призвалъ слушателей къ молитвенному поминовенію тѣхъ чувашскихъ просвѣтителей, которые отошли въ вѣчность, и которымъ нельзя воздать почестей, причлествующихъ людямъ живымъ.

Въ самый день сорокалѣтія школы, въ школьномъ храмѣ высокопреосвященнымъ архіепископомъ Іаковомъ, въ сослуженіи ректора духовной семинаріи прот. А. В. Стернова, кафедральнаго протоіерея С. С. Медвѣдкова, ключаря собора прот. М. Ѳ. Троицкаго, прот. Соколова, священниковъ А. В. Рекѣва, М. Н. Лебяжьева, А. П. Петрова, В. Н. Никифорова, М. Н. Такташкина, Ѳ. А. Михайлова, І. Д. Доримедонтова, С. И. Сизова, С. М.

Михайлова и І. Н. Никитина, была совершена божественная литургія и послѣ нея благодарственный молебенъ. За богослуженіемъ присутствовалъ начальникъ губерніи д. с. с. Д. Н. Дубасовъ, начальники учебныхъ заведеній г. Симбирска и другія высокопоставленныя лица. За литургіей послѣ запричастнаго стиха и концерта законоучителемъ М. Н. Лебяжьевымъ было произнесено слѣдующее слово:

Людіе, сѣдѣвши во тмѣ, видѣша свѣтъ велій (МѠ. 4, 16). Вы сынове свѣта есте (I Сол. 5, 5); тако да просвѣтителъ свѣтъ вашъ предъ чловѣки (МѠ. 5, 16).

Непроглядная тьма, тьма невѣдѣнія и заблужденія царила во всемъ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ, кромѣ небольшого богоизбраннаго народа. Одаренные богоподобною душою, люди сознавали, что безъ Высшаго Существа они не могутъ мыслить ни себя, ни міра; но Бога они ошибочно искали въ разнообразіи міра, въ звѣздахъ неба, въ силахъ земли; преклонялись предъ величіемъ героевъ, возводя ихъ въ сонмъ боговъ. Идея божества, такимъ образомъ, здѣсь принижалась до послѣдней степени: божества были подобострастны чловѣку. Такъ какъ жизнь божества естественно является идеаломъ жизни для людей, а боги были подобострастны чловѣку, то требованія нравственности въ до-христіанскомъ мірѣ по существу были лишь узаконеніемъ прирожденныхъ чловѣку грубыхъ инстинктовъ. Власть себялюбія и грѣховныхъ страстей царила и въ отношеніяхъ между разными классами населенія государствъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Все населеніе государствъ раздѣлялось на господъ, которые, обезпеченные трудами многочисленныхъ рабовъ, проводили жизнь свою въ развращающей праздности, утопая въ безумной роскоши,—и рабовъ, на которыхъ смотрѣли, какъ на рабочую скотину, не признавая за ними правъ чловѣческой личности. Закономъ международныхъ отношеній было грубое насиліе, безчловѣчная жестокость.

Но вотъ люди увидѣли «свѣтъ велій». Ученіе Христа, словно зарево огромнаго пожара, охватило весь тогдашній міръ; евангельскій законъ любви къ Богу и людямъ, подобно маяку, высоко зажегся надъ міромъ и сталъ путеводною звѣздою чловѣчества въ непроглядной житейской мглѣ. «Богъ есть Духъ» — провозгласило Евангеліе;— «не сила природы, не обожествленный герой, а личное духовное Существо; Онъ—Высшій Разумъ, Высшая Правда, Высшая Святость, Выс-

шая Любовь. Богъ есть Духъ, — и душа человѣка, какъ отображеніе Божества, есть поэтому важнѣйшая часть человѣческаго существа; главное вниманіе человѣка, слѣдовательно, должно быть обращено не на тѣло, не на удовлетвореніе его низменныхъ потребностей, а на удовлетвореніе высшихъ запросовъ человѣческаго духа. Ищите прежде всего царствія Божія, а все прочее придетъ къ вамъ само собою — вотъ новый законъ христіанской жизни. Если потребности тѣла идутъ въ разрѣзъ съ требованіями нравственнаго долга, должно отказаться отъ ихъ удовлетворенія. „Кто любитъ отца или мать, сына или дочь больше чѣмъ Меня, тотъ Меня не достоинъ“, говоритъ Спаситель.

Въ основу отношеній людей между собою въ обществахъ и государствахъ, въ основу международныхъ отношеній христіанство поставило любовь и братство, ибо „отъ единой крови“ Господь произвелъ весь родъ человѣческій, ибо всѣ люди безразлично искуплены драгоцѣннѣйшею Кровью Христа, ибо, поэтому, въ очахъ Божіихъ нѣтъ ни еллина, ни іудея, обрѣзаннаго и не обрѣзаннаго, раба и свободнаго. Истинный идеалъ жизни и нравственности христіанина въ Богѣ: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный, стремитесь къ этому идеалу, переходя постепенно въ своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи съ низшей ступени на высшую, съ высшей на болѣе высокую, и такъ безъ конца. Словомъ, Христово ученіе разрѣшило всѣ волнующіе человѣчество вопросы о Богѣ, о мірѣ, о смыслѣ человѣческой жизни; въ немъ для человѣчества путь, истина и жизнь; въ немъ — счастье человѣчества.

1907 лѣтъ тому назадъ возсіяло надъ міромъ Солнце Правды; но не всѣхъ сразу озарилъ свѣтъ этого Солнца: однихъ потому, что видя они не видѣли, слыша не слышали, такъ какъ огрубѣло сердце ихъ; другихъ потому, что свѣтъ этого Солнца не дошелъ до нихъ, ибо не было для нихъ проповѣдующаго (Рим. 10, 14). 920 лѣтъ тому назадъ свѣтъ Христова ученія чрезъ церковь греческую озарилъ и Русскую землю. Но вашимъ предкамъ — чувшамъ, вошедшимъ съ теченіемъ времени въ составъ русскаго государства, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, еще долго послѣ этого суждено было пребывать во тьмѣ язычества. Неоднократныя попытки посвятить среди вашихъ предковъ сѣмена Христова ученія долго оканчивались почти полной неудачею, но — къ счастью — не потому, что почва была негодна къ произрастанію этихъ сѣмянъ, а по неискусству сѣю-

щихъ, отъ употребленія неправильнаго способа посѣва. Наконецъ, Господь призрѣлъ на пребывающихъ во тьмѣ рабовъ своихъ и послалъ имъ мудрыхъ сѣятелей; опытною рукою посѣяли они сѣмя, *на родномъ вашемъ языкѣ* проповѣдали вашимъ родичамъ слово Христово, — и сѣмя Слова Божія въ душахъ ихъ оказалось «плодоноснымъ и растимымъ»: возлюбили они евангельское благовѣствованіе на своемъ родномъ языкѣ, возлюбили храмы Божіи, возлюбили богослуженіе, возлюбили Христа.

Чѣмъ же воздадите Господу о всѣхъ, яже воздаде вамъ? Воздайте Ему трудами по лучшему водворенію евангельскихъ идей, царства Божія въ душахъ вашихъ, да покорить оно умъ вашъ, сердце ваше, волю вашу. Вы сынове свѣта есте, вы — члены Христовой церкви. Но свѣтъ этотъ не проникъ еще въ васъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ (Евр. 4, 12). Такъ еще много зла, себялюбія и неправды въ вашихъ душахъ и въ душахъ окружающихъ васъ. Вы, „сыны свѣта,“ обязаны потрудиться надъ насажденіемъ христіанскихъ началъ и въ себѣ и въ другихъ. Царство Божіе приблизилось: оно вотъ тутъ, подлѣ васъ, вокругъ васъ, но нужно, чтобы оно проникло и охватило собою ваше сердце, источникъ всякой дѣятельности и руководящее начало жизни человѣка. Сѣмя царства Божія посѣяно и имѣетъ въ себѣ величайшую жизненную силу; нужно только приготовить для этого сѣмени удобную почву въ вашей душѣ. Сохой и бороной уготовляетъ земледѣлецъ почву для зерна; для сѣмени же царствія Божія вы должны приготовить почву души вашей покаяніемъ (Мѡ. 4, 17). Въ душахъ вашихъ борются два начала — начало злое и доброе, плоть и духъ (Гал. 5, 17), неправда и себялюбіе съ одной стороны и чувство братства, самоотверженной любви, стремленіе къ истинѣ и нравственному совершенству — съ другой. Часто, очень часто, вы предоставляете господство въ вашихъ душахъ первому, злему, началу. Теперь вамъ необходимо произвести коренную переоцѣнку всѣхъ своихъ жизненныхъ воззрѣній; всей душой, всѣмъ сердцемъ нужно сознать несовершенство, низменность вашихъ обычныхъ стремленій, проникнуться благоговѣніемъ къ величію нравственнаго идеала Евангелія, понять всю высоту, все совершенство евангельской всеобъемлющей любви, все совершенство того образа евангельскаго человѣка, который нарисованъ для насъ въ лицѣ Богочеловѣка — Христа. Лучшимъ средствомъ для достиженія этого „покаянія“ является частое, каждодневное чтеніе Писанія, осо-

бенно Евангелія: Только читайте его съ чистымъ сердцемъ, съ вниманіемъ и благоговѣніемъ; божественная сила, въ немъ сокрытая, постепенно покоритъ вашъ умъ, плѣнитъ ваше сердце, дастъ надлежащее направленіе вашей волѣ. Читайте его, размышляйте, изслѣдуйте, но только добросовѣстно, безъ предвзятыхъ мыслей, безъ натяжекъ: истина не боится изслѣдованія (Іоан. 5, 39). Не вѣрьте тѣмъ, кто отвергаетъ истинность Писанія на томъ основаніи, что оно яко-бы противорѣчитъ даннымъ науки. Выводы науки, какъ произведенія ограниченнаго человѣческаго ума, часто оказываются несостоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, сколько на протяженіи исторіи существовало философскихъ и научныхъ теорій, другъ другу противорѣчащихъ, другъ друга исключаящихъ. Замѣчательно при томъ, что наука въ лицѣ лучшихъ *послѣднихъ* своихъ представителей, настойчиво опровергая матеріалистическую теорію происхожденія міра и прославленное ученіе о происхожденіи видовъ живыхъ существъ (дарвинизмъ), сходится въ общемъ въ своихъ выводахъ съ данными Библии.

Не вѣрьте противникамъ Писанія; припомните, что отцы и учителя церкви — свѣтилники вѣры и знатоки Писанія — учились въ большинствѣ случаевъ въ самыхъ лучшихъ училищахъ, у самыхъ знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени, обладали обширнѣйшими познаніями въ философіи и естественныхъ наукахъ, однако не утратили вѣры въ истинность Слова Божія; припомните, съ другой стороны, что нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, которымъ науки обязаны важнѣйшими открытіями, были истинными христіанами, глубоко вѣровавшими и неуклонно слѣдовавшими слову Божію. — «Чѣмъ же воздадите Господу о всѣхъ, яже воздаде вамъ?» Воздайте любовью, служеніемъ ближнему, трудами по водворенію царства Божія среди вашихъ единоплеменниковъ. Если вы находитесь во свѣтѣ, если сѣмя царства Божія дало въ вашихъ сердцахъ ростокъ; то помогите возрастить это сѣмя и въ душахъ вашихъ ближнихъ. Помогите и ближнимъ вашимъ произвести ту переоцѣнку воззрѣній, которая такъ необходима для плодотворности сѣмени царства Божія въ душахъ человѣческихъ; помогите и имъ понять неизмѣримое превосходство евангельскаго ученія и нравственнаго идеала предъ ихъ плотскими, низменными воззрѣніями; и дѣломъ и словомъ твердите имъ: «приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте пути Ему» (Лука 3, 4). Особенно твердите дѣ-

ломъ, ибо красивыя слова такъ легко говорить: пусть ваша жизнь будетъ увлекательною повѣстью о чарующемъ идеалѣ евангельской правды, восторженнымъ гимномъ царству Божію; увидятъ вашу добрую жизнь ваши ближніе, ваши единоплеменники, и прославятъ Отца Нашего, Который на небесахъ (Мѡ. 5, 16).

По окончаніи богослуженія высокопреосвященный Іаковъ въ сопровожденіи начальника губерніи и почетныхъ гостей продолжалъ въ одинъ изъ залъ школы, гдѣ состоялся торжественный актъ.

На актѣ, послѣ художественно исполненнаго смѣшаннымъ хоромъ воспитанниковъ и воспитанницъ школы подъ управленіемъ И. М. Дмитріева концерта Архангельскаго «Внуши, Боже», исполн. об. преподавателя школы Н. И. Колосовымъ былъ прочитанъ краткій историческій очеркъ школы. Далѣе былъ исполненъ гимнъ «Вѣрою русской свободна», и бывшимъ преподавателемъ школы прот. С. С. Медвѣдковымъ былъ прочитанъ слѣдующій адресъ учредителю школы:

„Глубокоуважаемый Иванъ Яковлевичъ!“
„Сорокалѣтіе жизни Симбирской чувашской школы—вашего любимаго дѣтища, вами рожденнаго, вами воспитаннаго, подъ вашимъ руководствомъ достигшаго возраста совершеннаго,—совпадаетъ съ сорокалѣтіемъ вашей широкой дѣятельности во благо родного вамъ чувашскаго племени. Со скорбію сознавая культурную отсталость вашихъ единоплеменниковъ и понимая истинную причину этой отсталости, вы, сами сынъ народа, отлѣтъ юности всего себя, всѣ свои знанія, всю свою энергію отдали дѣлу ихъ просвѣщенія, въ цѣляхъ культурнаго сліянія ихъ съ русской народностью. Лучшимъ средствомъ къ этому сліянію вы признали единство вѣры, и задачей своей просвѣтительной дѣятельности поставили *христіанское* просвѣщеніе инородцевъ чувашъ. Слѣдуя завѣтамъ просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѡдія, просвѣтителей Казани Гурія, Варсонофія и Германа, просвѣтителя Пермскаго Стефана и незабвеннаго Н. И. Ильминскаго, вы главный залогъ успѣха въ этомъ великомъ дѣлѣ полагали въ устной и письменной проповѣди христіанства, въ церковномъ богослуженіи и начальномъ школьномъ обученіи *на родномъ чувашскомъ языкѣ*. Въ этихъ видахъ, вслѣдствіе отсутствія готоваго чувашскаго алфавита, вами составленъ былъ чувашскій алфавитъ; въ этихъ видахъ, при вашемъ непосред-

ственнымъ и дѣятельномъ участіи, совершенъ переводъ на чувашскій языкъ многихъ священныхъ, богослужебныхъ и нравственно-назидательныхъ книгъ; въ этихъ видахъ основана вами и доведена до нынѣшняго благоустройства Симбирская чувашская школа, выпустившая изъ своихъ стѣнъ многихъ незамѣтныхъ, но въ массѣ великихъ дѣятелей на нивѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ-чувашъ; въ этихъ видахъ вами оказывалось возможное содѣйствіе чувашскимъ сельскимъ обществамъ въ построеніи храмовъ и устройствѣ школъ. Голосъ безпристрастныхъ фактовъ, голосъ холодной статистики такъ громко говорить о цѣлесообразности принятой вами системы просвѣщенія инородцевъ-чувашъ: сорокъ лѣтъ тому назадъ грамотные чуваша считались десятками, теперь—десятками тысячъ; сорокъ лѣтъ тому назадъ было 2—3 благоустроенныхъ чувашскихъ школы, теперь онѣ считаются сотнями; сорокъ лѣтъ тому назадъ не было даже чувашскаго алфавита, теперь имѣется довольно богатая чувашская переводная литература. Къ этому громкому голосу фактовъ позвольте и намъ, учившимъ, учащимъ и учившимся въ здѣшней школѣ и всѣмъ сочувствующимъ дѣлу просвѣщенія инородцевъ-чувашъ, присоединить нашъ слабый голосъ уваженія идейности вашей жизни, вашей энергіи, послѣдовательности и систематичности вашей просвѣтительной дѣятельности,—голосъ увѣренности, что дѣло ваше не погибнетъ: поле вспахано, удобрено, орошено, нива побѣлѣла уже и готова къ жатвѣ. Вѣримъ, что жатели найдутся, что великій Сѣятель пошлетъ ихъ“.

Адресъ этотъ покрытъ сотнями подписей лицъ разнаго общественнаго положенія и заключенъ въ роскошную папку съ надписью на чувашскомъ языкѣ: „Нашему Ивану Яковлевичу“.

Принимая адресъ, Ив. Як. обратился къ собранію со слѣдующими словами:

«Господа! Я никакъ не предполагалъ, что празднованіе сорокалѣтія школы приметъ такой торжественный характеръ. Что же касается какихъ-либо рѣчей и адресовъ, то я всячески просилъ, чтобы ничего этого не было. Въ своемъ дѣлѣ я всегда старался подражать своему незабвенному учителю Н. И. Ильминскому. Хотѣлъ бы я быть подобнымъ ему во всемъ, не исключая и смиренія его, и его скромности. Н. Ив. дѣлалъ дѣйстви-тельно великое дѣло и—тѣмъ не менѣе—всегда онъ упорно уклонялся и отъ всякихъ рѣчей, и отъ адресовъ, отъ подношеній,

орденовъ, всякихъ наградъ. Онъ былъ великъ, но простъ. Всмотритесь въ эти безсмертныя черты (Ив. Як. указаль при этомъ на портретъ Н. Ив—ча). Здѣсь все такъ величаво, но вмѣстѣ и такъ просто. Потому и величаво, что просто. И я не хотѣлъ бы какой-либо помпы. Но что же дѣлать? Если уже такъ случилось, то долженъ благодарить васъ, господа, за ваше вниманіе ко мнѣ и къ моему дѣлу. Благодарю васъ, господа».

Послѣ отвѣтной рѣчи Ивана Як—ча выступилъ впередъ залы законоучитель М. Н. Лебяжьевъ и прочиталь присланное учредителю школы привѣтствіе высокопреосвященнѣйшаго Никанора, архіепископа Казанскаго: «Высокочтимый Иванъ Яковлевичъ! Неисповѣдимы Божіи судьбы. Онъ свели насъ въ далекомъ прошломъ въ тѣсный союзъ, который, кажется, одинаково благотворно дѣйствовалъ какъ на васъ, такъ и на меня. И личное ваше воздѣйствіе на меня было не безплодно, а потому благодарю Бога за мою встрѣчу съ вами и въ счастливый сороковой годъ вашей плодотворной дѣятельности шлю вамъ вседушевный привѣтъ, наилучшія пожеланія и Божіе благословеніе, въ знакъ чего прошу принять св. икону Казанскихъ первосвятителей, дѣла которыхъ вы много лѣтъ были славнымъ продолжателемъ. Не возгнушайтесь принять и мои труды толкованій апостольскихъ посланій, какъ новый апостоль Глоссоласта нашего Иисуса Христа, Ему же да будетъ слава за все».

При этомъ Ив. Як—чу были поднесены цѣнные подарки архіепископа — икона и книги.

Затѣмъ хоромъ учениковъ и ученицъ была исполнена кантата муз. Орлова «Житейское море», послѣ чего старѣйшимъ питомцемъ школы, священ. с. Байглычева, Тетюшкаго у., А. В. Рекѣвымъ, были прочитаны мемуары о жизни школы въ первое время ея существованія. Приводимъ эти мемуары въ сокращеніи:

«Глубокоуважаемый Иванъ Яковлевичъ! Сегодняшнее число какъ для васъ, такъ и для меня очень памятный день. Въ этотъ день 40 л. тому назадъ я, по вашему желанію, пѣшкомъ, украдкой отъ родныхъ, прибылъ къ вамъ въ Симбирскъ учиться на вашъ собственный счетъ... Дорогой мой воспитатель! Въ сей знаменательный день считаю нелишнимъ припомнить кое-что изъ прошлаго».

«Сорокъ лѣтъ тому назадъ всѣ наши чувашы были много темнѣе нынѣшнихъ чувашъ. Хотя они и числились православ-

ными, но очень мало понимали свою вѣру и оставались—въ сущности—язычниками. По взглядамъ своимъ и по жизни были они полудикими. Учиться грамотѣ не желали. Школы избѣгали и даже откупались отъ нея. Сельскихъ школъ было тогда очень мало, да и въ тѣхъ обученіе шло очень слабо. Школы эти открывались удѣльнымъ вѣдомствомъ. Обученіе въ нихъ происходило исключительно на русскомъ языкѣ. Ученики-чуваши, проучившись въ такихъ школахъ лѣтъ 5—6, ничему не научались и—по выходѣ изъ школы—сливались съ общей темной чувашской массой. Въ 60-ыхъ годахъ минувшаго столѣтія удѣльное вѣдомство нѣкоторыхъ лучшихъ учениковъ сельскихъ школъ отправляло въ городъ для подготовленія сельскихъ учителей, образцовыхъ пахарей, столяровъ, мѣрщиковъ и т. дал. Я, какъ однодеревенецъ и товарищъ вашъ по деревенской школѣ, живо помню, какъ въ числѣ лучшихъ учениковъ и вы, Иванъ Яковлевичъ, были взяты удѣльнымъ вѣдомствомъ въ Симбирскъ и были обучены землемѣрному дѣлу. Дальше вы уже собственной грудью пробили себѣ дорогу: состоя мѣрщикомъ, вы исподволь подготовились къ гимназіи и уже взрослымъ поступили въ нее прямо въ 5-й классъ. Въ то время, какъ мнѣ извѣстно, ни одинъ чувашенинъ, кромѣ васъ, не обучался въ гимназіи»...

«Поступивъ въ гимназію и перейдя въ 6-й классъ, вы надумали тянуть за собой и другихъ чувашъ. Первымъ счастливецемъ въ данномъ случаѣ оказался я, а вторымъ—Егоръ Андреевъ, изъ Баишева, Буинскаго у. Мы оба содержались на вашъ собственный счетъ. Осенью 1869-го года вамъ привезли еще двоихъ мальчиковъ изъ Буинскаго у., Василія Кашкарова и Ивана Исаева. Мы всѣ были помѣщены вами въ первый классъ уѣзднаго училища и содержались на вашъ же счетъ. Помню, вамъ очень трудно стало содержать насъ всѣхъ на свои средства, и вы стали входить въ долги, почему обратились къ Буинскому земству объ оказаніи намъ помощи. По окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, мы всѣ поступили на двухгодичные при немъ педагогическіе курсы».

«Обучаясь въ Казанскомъ университетѣ, вы, Ив. Як—чъ, познакомились съ Ник. Ив. Ильминскимъ, который сильно повліялъ на васъ и, такъ сказать, обратилъ васъ въ свою вѣру. Живо помню, какъ вы, по пріѣздѣ изъ Казани, съ большимъ оживленіемъ рассказывали мнѣ въ Струнниковскомъ саду о Н. Ив. Ильминскомъ, объ открытой имъ въ Казани школѣ для кре-

щенныхъ татаръ, переводѣ христіанскихъ молитвъ на татарскій языкъ, объ особомъ татарскомъ алфавитѣ и о томъ, какъ въ названной школѣ татары читаютъ и поютъ православныя молитвы на своемъ родномъ языкѣ. Къ осени 1870-го года вы надумали набрать изъ разныхъ деревень побольше чувашскихъ мальчиковъ. Но—увы!—въ данномъ случаѣ вы встрѣтили большія затрудненія. Вамъ удалось завербовать въ школу только троихъ мальчиковъ—чувашъ: Илью Бюргановскаго, Оому Аксинскаго и Ал-ндра Эдремена изъ Альшеева. Въ томъ же 1870-омъ году вы и мнѣ съ двоими товарищами поручили пріискивать чувашскихъ мальчиковъ, желающихъ пріѣхать въ Симбирскъ учиться. Но намъ очень трудно было находить таковыхъ. Хотя намъ и удавалось иногда уговорить нѣкоторыхъ мальчиковъ поѣхать учиться, но ихъ не отпускали родители, которые не ждали отъ ученья рѣшительно никакой пользы. Родители говорили, что дѣти ихъ еще успѣютъ пожить въ городѣ, когда будутъ на военной службѣ. Не всѣмъ—говорили они еще—быть писарями: тогда некому будетъ пахать. Такая темнота чувашъ побуждала васъ, Ив. Як., энергичнѣе вести дѣло ихъ просвѣщенія. Вы усердно стали ходатайствовать объ открытіи въ Симбирскѣ казенной школы, чего впоследствии и достигли. Положивши въ основу школьной жизни и дѣятельности начала системы Н. И. Ильминскаго, вы произвели въ средѣ чувашъ полный переворотъ, вы—можно сказать—переродили ихъ къ лучшему».

«Вѣчная память незабвенному Н. Ив. Ильминскому за то, что онъ во-время повліялъ на васъ и направилъ васъ на добрый путь». (Здѣсь хоромъ пѣвчихъ было пропѣто «Вѣчная память»).

«Дорогой мой воспитатель, глубокоуважаемый Ив. Яковлевичъ! Позвольте мнѣ въ сей день сорокалѣтія школы почтительнѣйше принести вамъ мою глубочайшую благодарность за мое воспитаніе, за христіанское воспитаніе въ сей школѣ многихъ нашихъ единоплеменниковъ и за все доброе, сдѣланное вами на пользу нашего народа. Да прославится имя Господне какъ въ этой школѣ, такъ и во всѣхъ чувашахъ отъ нынѣ и до вѣка!».

Ив. Як—ичъ благодарилъ о. Рекѣва за его привѣтствіе. Вслѣдъ за старѣйшимъ ученикомъ настоящимъ воспитанникомъ школы Ѳ. Поручиковымъ было прочитано Ив. Як—чу слѣдующее привѣтствіе:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иванъ Яковлевич!»

«Сегодня, въ день празднованія сорокалѣтія основанной вами Симбирской чувашской учительской школы, мы, ея воспитанники, не можемъ не сказать вамъ нѣсколько словъ. Съ основаніемъ этой школы началась и продолжается до сего времени ваша дѣятельность, направленная на просвѣщеніе чувашскаго народа. Вы создали для него эту школу, дали ему письменность, всю свою жизнь положили на улучшение и развитіе его и тѣмъ самымъ разрушили темную, языческую и полудикую жизнь родного вамъ народа, открыли ему свѣтъ христіанскаго ученія и проложили путь къ высшей культурной жизни. Вашей дѣятельностью было положено начало новой эрѣ въ жизни чувашскаго народа. Сознавая великое значеніе вашей дѣятельности для чувашъ вообще и для насъ, воспитанниковъ, въ частности, мы отъ лица всѣхъ учащихся въ этой школѣ выражаемъ вамъ нашу искреннюю и глубокую благодарность и желаемъ, что бы Богъ продлилъ вашу жизнь на благо нашихъ сородичей».

«Выражаемъ нашу искреннюю благодарность и тѣмъ лицамъ, которыя раздѣляли и раздѣляютъ вмѣстѣ съ вами вашъ великій трудъ».

Въ лицѣ ученицы *Э. Романовой* привѣтствовали *Ивана Яковлевича* и воспитанницы школы:

«Высокочтимый Иванъ Яковлевичъ!»

„Присоединяясь къ тому, что сказано воспитанниками мужской школы, мы, ученицы вашей школы, съ своей стороны выражаемъ вамъ, высокочтимый Иванъ Яковлевичъ, нашу благодарность за то, что вы сдѣлали для нашего народа. Вѣрьте намъ, что и среди безграмотныхъ чувашскихъ женщинъ вы не найдете ни одной, которая въ душѣ не благословляла бы васъ. Отъ нашихъ матерей и старшихъ сестеръ мы не разъ слышали о васъ, какъ о чловѣкѣ, который глубоко преданъ дѣлу просвѣщенія своихъ сородичей. Вмѣстѣ съ ними мы и сами глубоко чувствуемъ, какъ многимъ мы вамъ обязаны. Будемъ ли мы учительницами, или же намъ будетъ суждена другая будущность, мы всегда будемъ помнить, что мы не однѣ».

(Окончаніе будетъ).

Н. Колосовъ.

Симбирская чувашская школа.

III.

(Окончаніе).

Послѣ исполненнаго хоромъ подѣ аккомпаниментъ піанино гимна Гинзбурга «Многи лѣта» съ привѣтствіемъ къ Ивану Яковлевичу обратился высокопреосвященный Іаковъ:

«Позвольте, — приблизительно, такъ говорилъ владыка, — многоуважаемый Иванъ Яковлевичъ, и мнѣ привѣтствовать васъ въ этотъ знаменательный для васъ и для вашего дѣла день. Хорошо и полезно все, что вы сдѣлали въ своей школѣ, но съ чувствомъ особаго удовольствія я долженъ отмѣтить то, что ваша школа главной своей задачей ставила христіанское просвѣщеніе инородцевъ-чувашъ. Изъ сказаннаго уже здѣсь выясняется, что эта задача школой достигалась съ успѣхомъ. И я, хотя и недавно состою на службѣ въ Симбирской епархіи, тѣмъ не менѣ могу подтвердить, что чрезъ посредство вашей школы инородцы нашей епархіи далеко не темны въ отношеніи вѣры. Это ясно видно по религіозно-нравственному состоянію тѣхъ инородческихъ приходоѡ. гдѣ учителями и священниками состоятъ питомцы вашей школы. Привѣтствуя васъ, Иванъ Яковлевичъ, съ сорокалѣтіемъ существованія школы, желаю, чтобы эта школа и на будущее время не отказывалась отъ главной своей задачи — христіанскаго просвѣщенія инородцевъ».

Послѣ отвѣтныхъ благодарственныхъ словъ Ив. Яковлевича, привѣтственную рѣчь произнесъ членъ Буинской управы А. К. Сусанинъ (потомокъ знаменитаго Сусанина):

«Ваше превосходительство, Иванъ Яковлевичъ! Поздравляю

³⁴⁾ Симб. Епарх. Вѣдомости, 1904 г., № XIX.

вась съ торжественнымъ днемъ, который ознаменовываетъ сорокалѣтіе существованія сооруженной вами Симбирской чувашской учительской школы. вмѣстѣ съ этимъ желаю вамъ отъ Всевышняго Создателя добраго здоровья и подкрѣпленія вашихъ силъ, такъ много служившихъ трудному дѣлу. Мы собрались здѣсь для того, чтобы почтить вась, какъ великаго просвѣтителя цѣлой области инородцевъ. Иванъ Яковлевичъ! Среди чувашъ еще не было такого культурнаго дѣятеля, какимъ являетесь вы. Въ особенности благотворна была ваша дѣятельность въ бытность вашу окружнымъ инспекторомъ чувашскихъ школъ. Тогда при содѣйствіи вашемъ было выстроено много школъ и церквей. И не только надъ просвѣщеніемъ чувашъ вы работали, — вы входили и во всѣ нужды крестьянъ. Вы помогали намъ и словомъ и дѣломъ. Вы постоянно заботились и хлопотали объ улучшеніи крестьянскаго быта. Вы много помогали намъ въ дѣлѣ покупки земли. Вы защищали насъ отъ бѣдъ, твѣдъ, которыя мы иногда впадали не по своей волѣ и винѣ, а только по своему невѣжеству. Намъ хорошо извѣстно, что крестьяне идутъ къ вамъ издалека и во всѣхъ нуждахъ находятъ у васъ помощь. Вы заслужили въ народѣ довѣріе и любовь, какъ никто изъ тѣхъ, кто за послѣднее время тщетно покушались отнять вась отъ насъ. Вообще вы много сдѣлали для насъ; но къ великому сожалѣнію невѣжество и темнота наши не позволяютъ намъ надлежащимъ образомъ выразить вамъ ту признательность, какую вы заслужили. Однако, я вѣрю, что дѣти наши внуки и, правнуки заговорятъ о васъ не такъ, какъ мы, и всѣ сдѣланныя вами дѣла оцѣнятъ именно той цѣной, какой они стоятъ».

Въ отвѣтъ на рѣчь А. К. Сусанина Ив. Як-ичъ сказалъ, что ему особенно пріятно видѣть признаніе его дѣла съ стороны исконно-русскаго человѣка, какимъ является потомокъ Сусанина.

Послѣ хороваго пѣнія «Слався, славься», Глинки, Ивана Яковлевича привѣтствовали бывшіе ученики школы: уѣздный наблюдатель церк.-прих. школъ Цивильскаго у. о. ж. С. М. Михайловъ и Н. В. Васильевъ.

Первый изъ нихъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Иванъ Яковлевичъ! Въ благоговѣйномъ созерцаніи путей промысла Божія, управлявшаго вашими силами въ насажденіи и возвращеніи Симбирской чувашской учительской школы въ теченіе сорока лѣтъ, привѣтствую вась съ настоящимъ знаменательнымъ днемъ. Не

многіе достигаютъ такого желаннаго дня, хотя—можетъ быть—и всѣ въ затаенныхъ думахъ помышляютъ о немъ. И тѣмъ пріятнѣе, тѣмъ радостнѣе бываетъ видѣть такихъ тружениковъ, которые достигаютъ праздничнаго дня своей жизни! Иванъ Яковлевичъ! Не безъ скорбей и лишеній пройденъ вами долгій жизненный путь, хотя и не безъ радостей и духовныхъ утѣхъ. Однако теперь наклонѣ лѣтъ, при немощахъ тѣла, при томленіяхъ духа съ большей силой даютъ вамъ почувствовать себя скорби и лишенія. Но вѣдь радость ваша исполнена. Сѣмена, брошенныя вашими руками на рыхлую почву, возрасли въ ниву и, Господу поспѣшствующу, не замедлятъ принести плодъ много. Языческая неплодящая церковь, благодаря вашимъ просвѣтительнымъ трудамъ, стала членомъ православной церкви и молитъ Бога единымъ съ ней усты и единымъ сердцемъ о мирѣ всего міра и о благосостояніи святой Божіей церкви. Сіе и да будетъ вамъ утѣшеніемъ и радостью на склонѣ вашихъ трудовыхъ дней. Да послужитъ вамъ утѣшеніемъ и то, что чуваші, на просвѣщеніе которыхъ вы употребили ваши силы, вполне оцѣнили вашъ трудъ. Въ сознаніи ихъ имя ваше дорого. Оно неразрывно связано у нихъ съ другимъ дорогимъ для нихъ именемъ просвѣтителя инородцевъ—Н. Ив. Ильминскаго. Въ заключеніе позвольте, глубокоуважаемый Иванъ Яковлевичъ, выразить вамъ благодарность отъ крестьянъ Цивильскаго уѣзда» и прочиталъ привѣтствіе отъ крестьянъ различныхъ волостей Цивильскаго у., гдѣ они просятъ Ивана Яковлевича «принять поклонъ до земли и большое спасибо за просвѣщеніе темныхъ чувашъ. Хотя многіе изъ насъ, — пишутъ чуваші, — и не имѣли счастья лично видѣть васъ, но имя ваше очень близко и дорого намъ».

Г-нъ Васильевъ прочиталъ посвященное чувашской школѣ и ея основателю стихи на чувашскомъ языкѣ.

Было уже около двухъ часовъ дня, а говорить хотѣли еще очень многіе. Такъ директоръ Симбирской классической гимназіи Б. Н. Некрасовъ обратился къ Ив. Як-чу со слѣдующей рѣчью (рѣчь воспроизводится приблизительно): «Многоуважаемый Иванъ Яковлевичъ!»

„Обозрѣвая мысленно все, что сдѣлано вами за 40 лѣтъ существованія школы, я въ качествѣ представителя Симбирской классической гимназіи могу выразить только удовольствіе, что наша гимназія въ вашемъ лицѣ дала такого энергичнаго, такого

высокодаровитаго работника на дѣло просвѣщенія нашего края Горячо привѣтствуя васъ, многоуважаемый Иванъ Яковлевичъ, въ нынѣшній праздникъ просвѣщенія и культуры, желаю вамъ многихъ лѣтъ на дальнѣйшее развитіе вашего славнаго дѣла и, какъ питомецъ одной съ вами alma mater, прошу у васъ позволенія обнять васъ, дорогой Иванъ Яковлевичъ».

Ив. Як—ичъ, въ отвѣтъ на эту рѣчь, сказалъ, что онъ «всегда съ теплымъ и благодарнымъ чувствомъ вспоминаетъ о Симбирской гимназіи, гдѣ въ его время было много хорошихъ учителей, каковы, напр., Христофоръ Штейнгауръ, Пановъ, Виноградовъ, инспекторъ Руновскій и—особенно—И. В. Вишневскій, и гдѣ зародилась его мысль объ открытіи (спеціальной школы для образованія чувашъ».

Привѣтствовалъ школу и директоръ коммерческаго училища Стр. Ив. Корытинъ. Онъ произнесъ слѣдующую рѣчь (приблизительная записка):

„Многоуважаемый Иванъ Яковлевичъ!“
„Какъ вамъ извѣстно, я недавній Симбирскій житель. Коммерческое училище въ Симбирскѣ возникло уже тогда, когда ваша школа вполне созрѣла и окрѣпла и своей дѣятельностью приобрѣла широкую популярность въ разныхъ слояхъ мѣстнаго населенія. Пріѣхавъ въ Симбирскъ, я скоро услышалъ, что здѣсь существуетъ чувашская школа для подготовленія чувашскихъ учителей. Говорили, что это учрежденіе не похоже по своему строю на всѣ другія учебныя заведенія города, что оно необычайно оригинально и самобытно. Я—естественно—заинтересовался и постепенно сталъ знакомиться со школой. И чѣмъ больше я узнавалъ ее, тѣмъ больше она интересовывала меня и своеобразнымъ своимъ направленіемъ, и особенностями постановки учебно-воспитательной части, и тѣмъ общимъ своимъ одушевленіемъ, какимъ отъ начала до конца была проникнута вся ея дѣятельность. Сегодня же я узналъ еще больше. Я узналъ, что школа имѣетъ огромное, исключительное значеніе для всего нашего края, что она сыграла выдающуюся роль въ дѣлѣ культурнаго развитія цѣлаго племени, что эта школа служитъ для миллионнаго чувашскаго населенія выходомъ изъ царства тьмы и невѣжества въ царство свѣта и знанія. Привѣтствуя школу съ ея сорокалѣтіемъ, я хотѣлъ бы пожелать, чтобы она для всѣхъ насъ была образцомъ трудолюбія и терпѣнія въ дѣлѣ просвѣщенія родного народа».

Едва директоръ коммерческаго училища окончилъ свою рѣчь, какъ на срединѣ зала неожиданно для всѣхъ появились мужики въ самотканыхъ грубыхъ кафтанахъ, въ лаптяхъ и бѣлыхъ онучахъ. Одинъ изъ нихъ, раздвигая локтями публику, пробрался ближе окъ Ивану Яковлевичу и торопливо заговорилъ что-то на чувашскомъ языкѣ. Оказалось, это были чуваша изъ родной деревни Ив. Як—ча, только что прибывшіе въ Симбирскъ, чтобы поблагодарить Ив. Я-ча за его посредничество въ дѣлѣ покупки ими земли. «Спасибо.. Иванъ Яковлевичъ..!»—только и было слышно изъ ихъ характерной, суетливой рѣчи. Эта неожиданная сцена была очень трогательна. На всѣхъ присутствовавшихъ она произвела сильное впечатлѣніе и у нѣкоторыхъ вызвала слезы на глазахъ.

Прочувствованную рѣчь произнесъ затѣмъ исп. об. директора народныхъ училищъ Симбирской губ. Н. Д. Самосатскій. Онъ говорилъ:

«Позвольте мнѣ, какъ представителю дирекціи народныхъ училищъ Симбирской губ., привѣтствовать васъ, многоуважаемый Иванъ Яковлевичъ, съ исполненнымъ сорокалѣтнемъ полезной дѣятельности руководимой вами учительской школы. Известный англійскій мыслитель Горацій Вальполь сказалъ: «трудно приготовить хорошаго профессора, еще труднѣе — хорошаго преподавателя средней школы, но труднѣе всего приготовить хорошаго учителя начальной школы. И это, конечно, совершенно вѣрно. Профессоръ и преподаватель средней школы имѣютъ дѣло уже съ подготовленными слушателями. Они знаютъ пути и способы воздѣйствія на своихъ учениковъ и питомцевъ. Имъ, такъ сказать, приходится продолжать уже начатую постройку. Учитель же начальной школы воздвигаетъ самый фундаментъ зданія. На его долю выпадаетъ черная работа по очисткѣ мѣста для постройки, по собиранію матеріала для нея. Если сказанное англійскимъ мыслителемъ совершенно справедливо по отношенію ко всѣмъ случаямъ педагогической практики, то по отношенію къ чувашской учительской школѣ эти слова имѣютъ сугубое значеніе. Вальполь — представитель культурной націи, имѣющей тысячелѣтнюю исторію, богатую литературу и другія значительныя пріобрѣтенія въ области культуры. Если въ такой націи весьма трудно приготовить хорошаго учителя начальной школы, то во сколько же разъ труднѣе приготовить хорошаго учителя начальной школы для чувашъ, т. е. для такого племени»

которое не имѣть ни исторіи, ни литературы, не имѣло даже алфавита,—для племени, которое пребывало почти въ первобытномъ состояніи. Задача просвѣщенія такого племени путемъ учрежденія для него начальныхъ школъ и учительскихъ семинарій безъ всякаго опыта въ прошломъ представляется положительно невыполнимой для человѣческихъ силъ. Необходима была Божія помощь. Дѣйствительно, въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія чувашъ проявилась Божія помощь, а проявилась она въ томъ, что Богъ послалъ человѣка, который указалъ вѣрный путь для просвѣщенія инородцевъ. Такимъ человѣкомъ былъ Н. Ива Ильминскій, выработавшій особую систему для образованія инородцевъ восточной Россіи. Главными основами этой системы являются два пункта: 1) религиозно-нравственное просвѣщеніе на родномъ языкѣ и 2) первоначальное обученіе также на родномъ языкѣ. Симбирская чувашская учительская школа приняла завѣты Н. Ива Ильминскаго и вполнѣ послѣдовала имъ со дня своего основанія. Система Ильминскаго была для этой школы тѣмъ блестящимъ факеломъ, который освѣщаль ей путь къ образованію чувашъ. На основаніи долговременнаго опыта и близкаго знакомства съ дѣломъ, я могу засвидѣтельствовать, что школа отлично выполняла и выполняетъ свои задачи. Завѣдывая 13½ лѣтъ начальными училищами Буинскаго у., почти сплошь населеннаго чувашами, я убѣдился, что лучшихъ учителей для чувашскихъ начальныхъ училищъ даетъ Симбирская чувашская учительская школа, о чемъ считаю пріятнымъ для себя долгомъ заявить здѣсь, въ этотъ торжественный для школы день. Сердечно поздравляя васъ, многуважаемый Иванъ Яковлевичъ, съ достигнутыми вами успѣхами въ дѣлѣ образованія чувашъ, привѣтствую созданную и руководимую вами учительскую школу: vivat, crescat, floreat!»

Отвѣчая на рѣчь Н. Да Самосатскаго, ж Иванъ Яковлевичъ сказалъ:

«Связь нашей школы съ дѣломъ начального образованія въ губерніи—несомнѣнная. И я всегда въ своей дѣятельности имѣлъ въ виду эту связь и всегда дорожилъ ею. И если наша школа дѣйствительно имѣла какое-либо значеніе въ дѣлѣ начального обученія населенія Симбирской губерніи, то въ этомъ случаѣ она многимъ обязана была бывшему директору народныхъ училищъ Ив. Вл. Ишерскому. Это былъ—помню—первый человѣкъ сочувствовавшій инородческому дѣлу, школьному, я встрѣтилъ въ Симбирскѣ по возвращеніи изъ Казанскаго университета, и ко-

торый за все время своего управленія начальными училищами Симбирской губ. сохранялъ дружественныя отношенія съ чувашской школой. Только при его дѣятельной поддержкѣ я имѣлъ возможность открыть рядъ школъ въ чувашскихъ селеніяхъ. Попутно не могу не вспомнить съ благодарностью другого такого же дружественнаго намъ человѣка, какого я встрѣтилъ въ бытность мою окружнымъ инспекторомъ чувашскихъ школъ. Это директоръ народныхъ училищъ Казанской губ. А. И. Износковъ. Большое спасибо этимъ добрымъ людямъ. Очень благодаренъ и вамъ, Николай Дмитріевичъ».

Послѣ этихъ словъ Ив. Як — ча, поднялся бывший директоръ народныхъ училищъ Симб. губ. и сказалъ слѣдующее: «Я не готовился говорить, но если Иванъ Яковлевичъ хочетъ приписать мнѣ какую-то честь въ своемъ дѣлѣ, то я долженъ сказать о томъ, что сдѣлала чувашская школа для начальнаго образованія въ Симбирской губ.»

«Помню, еще будучи студентомъ Казанской академіи, я какъ-то на Фоминой недѣлѣ на такъ называемую «красную горку» пошелъ на кладбище. И тамъ и здѣсь около могильныхъ крестовъ виднѣлись кучки богомольцевъ. Подхожу къ одной изъ такихъ кучекъ, смотрю — татары. Когда къ нимъ подошелъ священникъ, они заказали ему панихиду и сами запѣли молитвы на татарскомъ языкѣ. Потомъ оказалось, что это были татары, прошедшіе т. наз. крещено-татарскую школу Н. Ив. Ильминскаго въ Казани. Увидѣнное мною на кладбищѣ произвело на меня сильное впечатлѣніе, какого не могу забыть до сихъ поръ. Уже тогда я понималъ, какое огромное значеніе для просвѣщенія инородцевъ имѣетъ система Н. Ив. Ильминскаго, но еще яснѣе это стало для меня потомъ, когда я по обязанностямъ службы долженъ былъ стать въ непосредственное отношеніе къ инородцамъ Симбирской губерніи.»

«Въ мартѣ мѣсяцѣ 1877-го года мнѣ, въ качествѣ инспектора народныхъ училищъ Курмышскаго уѣзда, первый разъ довелось быть въ Раскильдинскомъ, Станашскомъ, Четайскомъ и Пандиковскомъ училищахъ Курмышскаго у., въ которыхъ обучались исключительно чуваша, вплоть до школы не произносившіе ни одного русскаго слова. Преподавателями здѣсь были русскіе люди, преподаваніе велось исключительно на русскомъ языкѣ, такъ какъ чувашскаго языка сами они или совсѣмъ не знали, или были въ немъ очень слабы, — но къ своимъ обязан-

ностямъ всѣ относились честно, цѣлые дни проводили въ школѣ, самому веденію ежедневныхъ уроковъ старались придать опредѣленную методичность и возможную осмысленность. И, всетаки, результаты отъ ихъ трудовъ получались очень ограниченныя. Весь запасъ знаній учащихся въ чтеніи, счетѣ и письмѣ ограничивался приобрѣтеніемъ лишь механическихъ навыковъ, которые чрезвычайно мало прибавляли къ ихъ умственному развитію, необыкновенно быстро забывались, почему образовательное воздѣйствіе школы неизбѣжно ограничивалось очень узкой и малополезной сферой чисто внѣшняго вліянія, точнѣе — одной внѣшней выправкой учащихся. Привычка къ механическому буквализму, соединенная съ крайне плохимъ пониманіемъ русской разговорной рѣчи, доходила до того, что безпрестанно приходилось выслушивать отъ учениковъ повтореніе словъ моего же приказанія, которое они должны бы были только выполнить. Напр., скажешь бывало ученику: «повтори слово — рыба», «сядь», «встань», — и онъ тотчасъ же повторяетъ: «повтори слово — рыба» «сядь», «встань»...

„Затѣмъ черезъ два года, получивъ въ свое завѣдываніе Буинскій уѣздъ, я и здѣсь встрѣтилъ не лучшіе успѣхи во многихъ чувашско-инородческихъ училищахъ, а изъ нихъ Матакское, Шемуршинское, Ново-Айбесевское, Тарханское, Чепась-Никольское, Убеевское и нѣк. др. были до такой степени слабы, что даже и сфера механическихъ навыковъ оказалась крайне ограниченной. Самое внѣшнее поведеніе учениковъ обнаруживало всѣ признаки неблаговоспитанности: въ школу они поступали по выбору начальства, интереса къ знанію въ нихъ не обнаруживалось, и самое выраженіе ихъ лицъ поражало меня какой-то особенной тупостію. Преподаватели всѣхъ этихъ школъ, будучи совершенно чужды интересовъ той самой національности, къ обученію дѣтей которой они были призваны, сильно тяготились своимъ положеніемъ, сами признавали свои труды безплодными, а одинъ изъ нихъ, какъ писалъ мой предшественникъ по инспекціи въ Буинскомъ у. г. В. П. Фармаковскій, отъ „пришелъ въ отчаяніе отъ безуспѣшности своихъ трудовъ въ Старо-Айбесевскомъ училищѣ и бѣжалъ изъ села“.

„Послѣ этого понятно, съ каковымъ нетерпѣніемъ и интересомъ ждалъ я себѣ кандидатовъ на учительскія должности изъ только что сформировавшейся Симбирской центральной чувашской школы, которые дѣйствительно и явились въ 1880 г. Одинъ

изъ нихъ (Кузьминъ) поступилъ въ учителя Убеевскаго и другой (Асановскій)—Туруновскаго училищъ. Послѣдній изъ нихъ оказался слабѣе перваго; обоимъ имъ на первыхъ порахъ и впослѣдствіи приходилось давать немало разъясненій и указаній въ сферѣ дидактической и общеобразовательной, но оба они сумѣли необыкновенно близко подойти къ понятіямъ своихъ учениковъ и такъ быстро измѣнить ихъ въ лучшую сторону, что Туруновская и въ особенности Убеевская школы стали неузнаваемы черезъ какой-нибудь одинъ учебный годъ. Такъ, въ чтеніи, счетѣ и письмѣ обнаружались явные признаки сознательности, явился интересъ къ учебнымъ занятіямъ, ребята ожили, видимой ихъ тупости какъ будто и не бывало, всѣ они стройно поютъ молитвы, охотно идутъ въ церковь и своимъ пѣніемъ за богослуженіемъ привлекаютъ къ посѣщенію церкви и прочихъ прихожанъ. За этими двумя пионерами является рядъ новыхъ преподавателей изъ воспитанниковъ чувашской школы, каковы Григорьевъ, Васильевъ, Ст. Акимовъ, Ефремовъ, Никаноровъ, Кустовъ, Михайловъ, Прокофьевъ, Сорокинъ, Борисовъ, Сергѣевъ, Вѣковъ, Ивановъ; въ другихъ уѣздахъ губ. встрѣтились мнѣ потомъ: Даниловъ, П. и А. Алексѣевы, Фроловъ, Ал. и П. Анисимовы, Т. Васильевъ, М. Алексѣевъ, П. и М. Дергуновы, Макаровъ, Александровъ, Кедровъ, Дмитріевъ и др., которые достигали въ своемъ дѣлѣ надлежащихъ учебно-воспитательныхъ результатовъ. При этомъ должно замѣтить, что образовательная и спеціально-педагогическая ихъ подготовка постепенно становится выше и если не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, то все же съ годами замѣтно прогрессируетъ. Учителя, вышедшіе изъ Симбирской чувашской школы, всегда зарекомендовывали себя со стороны религіозности, примѣрнаго усердія къ дѣлу, почтительности и деликатности. Дѣятельность ихъ въ чувашскихъ школахъ сопровождалась особыми успѣхами и потому, что, получивъ образованіе, они не прерывали связи съ народомъ и не забывали интересовъ того крестьянскаго общества, изъ котораго вышли сами и дѣтей котораго являлись обучать и воспитывать. Это ихъ качество быстро привлекало къ нимъ симпатіи взрослыхъ крестьянъ и помогало устанавливать къ самимъ учащимся настолько близкія отношенія, насколько это было полезно и необходимо для надлежащаго воспитательно-образовательнаго воздѣйствія на нихъ. „Въ виду всего сказаннаго — думаю — ясно, какое огромное

значение имѣла Симбирская чувашская школа въ дѣлѣ начальнаго обученія губерніи, гдѣ я до послѣдняго времени состоялъ директоромъ училищъ. Она облегчала веденіе этого дѣла, а потому съ чувствомъ глубокой признательности привѣтствую васъ, глубокочтимый Иванъ Яковлевичъ, съ сорокалѣтіемъ основанной вами школы и желаю ей дальнѣйшаго совершенствованія на пользу нашего края“.

Послѣднимъ ораторомъ выступилъ директоръ Симбирской Маринской женской гимназіи А. В. Годневъ. Онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Вы слышали, господа, привѣтствіе перваго ученика Симбирской чувашской школы. Позвольте теперь мнѣ, одному изъ первыхъ учителей этой школы, обратиться къ ней съ своей стороны также съ привѣтствіемъ.“

„Вся исторія чувашской нашей школы протекла на глазахъ насъ, старожиловъ города Симбирска. Вначалѣ эта школа имѣла только небольшой каменный домъ, на углу теперешней своей усадьбы, и маленькій деревянный флигель на дворѣ. Теперь она имѣетъ нѣсколько большихъ каменныхъ корпусовъ и одинъ полукаменный. Вначалѣ она имѣла троихъ учениковъ. Теперь она имѣетъ ихъ около 200. Вначалѣ ея бюджетъ опредѣлялся сотнями рублей. Теперь равняется 15000. Параллельно этимъ цифрамъ роста увеличивалось и культурное ея значеніе для чувашскаго народа, ея вліяніе нравственно-образовательное и вліяніе на подъемъ экономическаго благосостоянія чувашскаго племени. Это каждому очевидно и понятно безъ объясненій.“

„Но мнѣ хотѣлось бы немного остановится на одной особенноти въ организаціи чувашской школы.“

„Для устройства и первоначальной организаціи этой школы совсѣмъ не было протореннаго пути. Всю организацію ея пришлось создавать сначала, по совершенно новому плану.“

„Пришлось рѣшать вопросъ религіозный, такъ какъ много чувашъ были еще язычниками, или полуязычниками. Пришлось рѣшать вопросы объ языкѣ для богослуженія въ чувашскихъ церквахъ, объ отношеніи чувашскаго языка къ русскому, пришлось изобрѣтать алфавитъ для письма на чувашскомъ языкѣ, такъ какъ никакой письменности на этомъ языкѣ дотолѣ не было; пришлось рѣшать вопросъ о всей системѣ отношеній чувашскаго племени къ русскому, вопросъ о томъ, должно-ли это племя стремиться къ самобытному отъ русскихъ су-

ществованію, или оно должно отказаться отъ всякихъ мечтаній объ отдѣльномъ отъ русскихъ существованіи, должно стать нераздѣльнымъ спутникомъ русскаго народа, объединиться съ нимъ въ одной общей культурной работѣ, въ достиженіи общихъ цѣлей нравственнаго и экономическаго успѣха; пришлось рѣшать вопросъ объ языкѣ для школьнаго преподаванія и много другихъ вопросовъ самаго серьезнаго значенія.“

„Считая осторожность сужденія обязательнымъ логическимъ принципомъ во всякаго рода дѣловыхъ разсужденіяхъ, я не рѣшаюсь брать на себя оцѣнку практическаго рѣшенія организаторами чувашской школы всѣхъ этихъ вопросовъ. Но не могу не замѣтить, что рѣшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ представляется въ высшей степени совершеннымъ, хотѣлось бы сказать—прямо идеальнымъ.“

„Такимъ я нахожу, напр., рѣшеніе вопроса о чувашскомъ алфавитѣ. Все, что я слышалъ отъ глубокоуважаемаго Ивана Яковлевича о принципахъ, положенныхъ въ основаніе этого алфавита, привело меня къ убѣжденію, что этотъ алфавитъ построенъ согласно самымъ послѣднимъ требованіямъ лингвистической науки. Въ немъ нѣтъ двойныхъ или тройныхъ буквъ для обозначенія одного и того же звука, что, какъ извѣстно, является крупнѣйшимъ недостаткомъ большей части другихъ алфавитовъ и—въ особенности—нашего русскаго. Съ другой стороны, всякій звуковой оттѣнокъ, всякая скольконибудь характерная модуляція въ произношеніи находитъ въ чувашскомъ алфавитѣ свое буквенное обозначеніе. Однимъ словомъ, для всѣхъ звуковъ рѣчи имѣются цѣлесообразные письменные символы, и ни одного изъ этихъ символовъ нѣтъ лишняго.“

„Точно также въ высшей степени удачно рѣшеннымъ я считаю принципиальный вопросъ о направленіи и характерѣ взаимныхъ отношеній чувашскаго и русскаго народа. Мысль, что оба эти народа самую исторію связаны другъ съ другомъ неразрывно, что ихъ интересы и культурные, и экономическіе солидарны, что имъ нужно рука объ руку, какъ самымъ доброжелательнымъ сосѣдямъ, работать для обоюднаго процвѣтанія, съ яснымъ сознаніемъ, что въ дружной и хорошо согласованной работѣ заключается ихъ общая выгода, и что никакія мечтанія о самостоятельномъ и отдѣльномъ отъ русскихъ существованіи не должны имѣть въ чувашскомъ самосознаніи мѣста по самымъ условіямъ географическаго расселенія чувашъ среди русскаго народа,—

эта мысль мнѣ представляется не только вполне правильной, но и нравственно прекрасной.“

„Практическое осуществленіе этой мысли, насколько я могъ наблюдать, всегда отвѣчало требованіямъ твердо поставленнаго принципа. Успѣхи, напр., дѣтей въ усвоеніи русскаго языка въ чувашской школѣ, въ бытность мою ея учителемъ, меня прямо поражали. Въ старшемъ отдѣленіи ученики такъ хорошо говорили по-русски, что трудно было повѣрить тому, что всѣ ихъ успѣхи въ нашемъ языкѣ достигнуты только одной школой, и что дома большая часть ихъ не слышали русской рѣчи.“

„Огромное культурно-образовательное значеніе Симбирской чувашской школы для цѣлаго миллионнаго племени мнѣ представлялось столь очевиднымъ, что я никакъ не ожидалъ, чтобы въ окончившуюся нынѣ (а можетъ быть и не окончившуюся еще) революціонную пору, когда ожесточеннымъ нападкамъ подвергалась у насъ всякая школа, могли быть какіе бы то ни было нападки, вмѣстѣ съ другими, и на эту школу. Мнѣ казалось, что по крайней мѣрѣ тотъ уголокъ на берегу Свіаги, на которомъ мы сейчасъ находимся, долженъ былъ бы остаться въ Симбирскѣ для революціи неприкосновеннымъ.“

„Но я ошибся.“

„Въ дѣйствительности, чувашская школа и ея глубокоуважаемый организаторъ не только не избѣжали общей участи нашихъ школъ, но и подвергались въ мѣстной печати нападкамъ, быть можетъ, наиболѣе ожесточеннымъ и озлобленнымъ, чѣмъ всѣ другія наши школы.“

„Лицъ, которыя съ какой-то особенной озлобленностью нападали на чувашскую школу и особенно на ея выдающагося организатора, я совсѣмъ не знаю. Но думаю, что это были люди молодые и уже по тому самому совершенные нули въ области пракческаго труда, слишкомъ мало знающіе дѣйствительныя условія всякаго пракческаго дѣла. Хорошо извѣстно, что критиковать очень легко, а бранить и браниться еще легче. Но дѣлать такое большое и сложное дѣло, какое выполнено глубокоуважаемымъ Иваномъ Яковлевичемъ, это совсѣмъ не то. Сколько потребовалось для этого дѣла энергіи, ума, знаній, силы воли упорной, въ теченіе сорока лѣтъ направленной неизмѣнно въ одну сторону! Хотѣлось бы мнѣ спросить господъ критиковъ, что они съ своей стороны сдѣлали въ области труда, только не труда разрушительнаго, обыкновенно очень легкаго, а въ обла-

сти труда производительнаго и созидательнаго, что можно было бы сравнить съ огромнымъ и чрезвычайно разнообразнымъ трудомъ Ивана Яковлевича, хотя бы напр. со сдѣланнымъ отчасти имъ лично, отчасти подъ его редакціей переводомъ библіи, богослужебныхъ книгъ, учебниковъ и нѣкоторыхъ русскихъ классиковъ на чувашскій языкъ.“

„Позвольте мнѣ, господа, въ заключеніе моего привѣтствія нашей чувашской школѣ и ея глубокоуваж. организатору отъ лица великорусскаго племени, къ которому я самъ принадлежу, чѣмъ и горжусь, такъ какъ этому племени суждено нести на своихъ плечахъ главную тяжесть нашей государственной исторіи, высказать искреннее пожеланіе, чтобы и мы, русскіе, и чуваша были и оставались всегда добрыми друзьями и хорошими сосѣдями, чтобы и тотъ и другой народъ никогда не смотрѣли врознь, а всегда сознательно направляли свой совмѣстный трудъ къ достиженію общаго блага».

По окончаніи рѣчи А. В. Годнева, произведшей очень большое впечатлѣніе на слушателей, преподавателемъ школы В. Н. Орловымъ было прочитано нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ. Такъ была прочитана телеграмма, какой почтилъ школьный праздникъ г. попечитель Казанскаго учебнаго округа д. с. с. А. Н. Деревницкій.

„Привѣтствую школу со счастливымъ завершеніемъ четвертаго десятилѣтія плодотворной просвѣтительной работы и желаю ей дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія. Шлю вамъ сердечное поздравленіе съ сороковою годовщиною неизмѣннаго служенія на пользу просвѣщенія родного края и пожеланіе многихъ лѣтъ столь же полезной дѣятельности. Попечитель округа Деревницкій“.

Была также оглашена слѣдующая телеграмма изъ Москвы отъ почетнаго попечителя школы мануфактуръ-совѣтника Н. Як. Шатрова:

„Въ день сорокалѣтія со дня учрежденія Симбирской чувашской школы вспоминаю прожитыя вмѣстѣ съ нею 25 лѣтъ. Привѣтствую дорогое для меня учебное заведеніе въ лицѣ его учредителя. Глубокоуважаемый Иванъ Яковлевичъ! Неустанная дѣятельность ваша въ теченіе четырехъ десятилѣтій заботливо укрѣпляла и развивала школу на благо просвѣщеніе темной народной массы. Желая ознаменовать посильно настоящій день, беру на себя постройку каменнаго зданія для двухкласснаго учи-

лица при школѣ, доселѣ лишеннаго своего собственнаго помѣщенія. Сожалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ принести привѣтствіе лично. Отъ души желаю чувашской школѣ на многіе и многіе годы дальнѣйшихъ успѣховъ въ работѣ надъ просвѣщеніемъ инородцевъ чувашъ. И шлю вамъ, дорогой Иванъ Яковлевичъ, пожеланія здоровья и силъ для блага созданнаго вами широкаго дѣла, раскинувшагося на пространствѣ шести губерній нашего края».

Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна.

Изъ актовaго зала гости перешли въ другой корпусъ, гдѣ имъ былъ предложенъ обѣдъ, на которомъ продолжалось чтеніе телеграммъ. (Всего телеграммъ было получено около сотни. А кромѣ телеграммъ было получено до 400 писемъ и нѣскольکو крестьянскихъ приговоровъ). За обѣдомъ были провозглашены тосты. Послѣ тоста г. начальника губерніи за здоровье Государя Императора было рѣшено отъ имени школы и всѣхъ присутствующихъ на ея праздникъ послать черезъ г. попечителя учебнаго округа телеграмму на Высочайшее имя, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и благодарности за содѣйствіе правительства дѣлу просвѣщенія инородцевъ-чувашъ. Рѣшеніе это сопровождалось криками «ура»!

Все торжество школы было запечатлѣно характеромъ, съ одной стороны, необычайной торжественности и стройности, а съ другой—трогательной искренности и задушевности. Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ оно было названо „рѣдкимъ“ торжествомъ. И его, дѣйствительно, можно назвать такъ потому, что оно главнымъ образомъ было посвящено *рѣдкому* человѣку, исключительная энергія котораго въ дѣлѣ распространенія христіанской культуры можетъ и должна служить поучительнымъ образцомъ для всѣхъ нашихъ культурныхъ дѣятелей, не исключая и самихъ нашихъ пастырей.

Н. Колосовъ.